

Кадетское письмо

№ 112. Буэнос-Айрес, июнь 2019. XXV год издания.

Кадетский праздник святых Константина и Елены

Все кадетские корпуса в России до революции имели свои корпусные праздники, часто совпадавшие с храмовым праздником их домовых церквей. Крымский кадетский корпус имел своим праздником день святых царей Константина и матери его Елены (3 июня по н. с.), Донской кадетский корпус имел своим праздником день святителя и чудотворца Николая (19 декабря по н. с.), а Первый Русский кадетский корпус (сводный Киевско-Одесский) отмечал день святого Александра Невского (6 декабря по н. с.). Так как крымские кадеты в изгнании были весьма активной частью кадетских объединений, праздник св. Константина и Елены отмечался в них весьма широко.

Аргентинское кадетское объединение считало день святых Константина и Елены своим праздником. В этот день проводились трогательные встречи в кадетском зале-музее при Епархиальной школе в пригороде Вижа Бажестер. В этом зале-музее висела большая икона святых Константина и Елены, написанная вице-председателем Объединения, архитектором О. Н. Ауэ. После молебна в Церкви, с поминовением скончавшихся, состоялся обед всех прибывших кадет с их семьями и приглашенными гостями. Перед обедом председатель Объединения делал доклад на тему дня,

Ниже мы приводим, в виде статьи, полный, несокращенный текст одного такого доклада, произнесенного пятнадцать лет тому назад, в июне 2004 года, председателем Объединения. Он был опубликован в «Кадетском письме» № 13, от июля 2004 года, со значительными сокращениями, ибо этот бюллетень тогда рассылался по почте, что ограничивало его размеры.

Первый православный царь

Можно провести некоторую параллель между временами Святых Царей Константина и Елены и нашей современностью. Тогда, как и сегодня, цивилизованный мир находился на распутье. Римская Империя, приблизительно с середины 3 века после Р. Х., вступила в окончательный всеобщий кризис, вызванный не только устремлением варваров на территорию тогдашней цивилизации, но также, главным образом, и глубоким **нравственным разложением** самой этой цивилизации.

Интересно, что именно с этого момента в Империи начинается период царствования военных императоров, уроженцев тогдашней Иллирии, чья территория совпадала приблизительно с территорией бывшей Югославии. Самым известным из них был император Диоклетиан, чей дворец в городе Сплите, в Далмации, сохранился частично до сих пор. Он предпринимал титанические усилия, чтобы преодолеть надвигающийся коллапс Империи, прибегая для этого к глубоким политическим и административным перестройкам. Однако, перестройки являются лишь бесплодным **эрзацем подлинного возрождения**.

Русский учёный эмигрант, Михаил Валерианович Зызыкин (1880 – 1960, скончавшийся и похороненный в Аргентине), обратил внимание на то, что начало периода военных императоров в Риме совпало с началом упадка империи и с **концом верховной власти Римского Сената**, учреждённого в самих истоках Римского Государства. Однако, этот конец верховной власти Римского Сената тоже был результатом сперва раскола верований в римском обществе, а затем и коллапса этих верований. Зызыкин пишет:

*«Вопрос о том, кому подчиняться, в каких пределах, во имя чего, ставится и в современной Европе, стоит и перед нами русскими. Ища уроков в истории, взор невольно останавливается перед характером того решения, которое было дано этому вопросу римским гением в течение страшного кризиса III века нашей эры, явившегося **следствием уничтожения исконной власти Сената военными бунтами. Исчез принцип законности. Римский Сенат был той традиционной властью, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи, и в течение I и II века, Когда республика превратилась в Империю, эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Цель и назначение Великой Империи было внесение в мир начал справедливости и рационального права.»** (М. В. Зызыкин. Патриарх Никон. Варшава, Синодальная типография, 1931). Значит, общие кризисы вызваны в первую очередь **потерей политической легитимности**, что также утверждает и испанский философ Ортега-и-Гассет. (См. Русские тетради № 29).*

Сам Диоклетиан, по-видимому, чувствовал недостаточность этих своих административных перестроек, а посему он и обрушился со страшными гонениями на христиан, видя в них угрозу для старой языческой римской религии, каковая являлась фундаментом Римской Республики (Государства). Однако, римская религия давно уже изжила сама себя, растворившись в нескончаемом потоке разнообразных языческих верований, нахлынувших и затопивших полностью Рим, так что спасти государство с её помощью было невозможно. Христианство не было причиной смерти этих уже умерших верований, а целебной им сменой для новой жизни и надеждой для преобразования общества и государства.

Диоклетиан разделил административно Империю на две половины, каждую со своим императором, с титулом августа, а затем каждую половину еще раз разделил пополам, поставив во главе вторых половин подсобных императоров, с титулом кесаря. Кесарем, то есть подсобным императором, в западной части Римской Империи стал Констанций Хлор, отец Константина Великого, со столицей в рейнском городе Треверис, сегодня Трир. В 305 году Диоклетиан и его август-коллега Максимилиан подали в отставку и удалились на покой (Диоклетиан в город Сплит). Их заменили Галерий и Констанций Хлор. В 306 году Констанций Хлор умер, и его место заступил его сын Константин, родившийся в городе Нише, на юге Сербии. Вскоре стало очевидным, что от этих перестроек положение в Империи отнюдь не улучшилось. Наоборот, оно еще более усложнилось, из-за созданной системы «четверовластия» (так называемой «тетрархии»). Наступил период перманентной гражданской войны между «тетрархами», предел каковой был положен триумфом Христианства, через триумф Константина Великого.

Константин Великий поначалу занялся благоустройством своей германской территории, следы каковой деятельности, по крайней мере в области архитектуры, сохранились частично и по сей день в Трире. Однако, как и все великие гении истории, он вскоре убедился, что **подлинное спасение не в административных и не в политических манипуляциях, а в нахождении новых широких и прямых путей в будущее.**

Первым таким путем был **возврат к единоначалию**, сиречь **к подлинной монархии**, и к восстановлению единства в империи. Если императорская власть до этого и была абсолютной в области управления, все же она не зиждилась на принципе **верховой власти**. Учрежденная со времен Августа империя не была настоящей монархией, а пожизненной **диктатурой**. Высшая власть самого Августа определялась двумя римскими республиканскими титулами: диктатора и народного трибуна, с одновременным присоединением и титула верховного жреца. В этом заключалось глубокое противоречие, ибо диктатура была **чрезвычайным и кратковременным** учреждением Римской Республики, а не пожизненным. Лишь во второй

половине третьего века римские императоры начинают носить диадему, то есть царскую корону, но при этом они одновременно начинают величать сами себя на своих монетах также и «богами». Для христиан такое величание было абсолютно неприемлемым.

Желая спасти государство, Константин Великий гениально понял, что возврата к единоначалию императора Августа слишком мало. Это единоначалие было, как сказано, военной диктатурой, лишь легитимированной аппробацией ((дозволением) Сената, но не было подлинной монархией. Когда же с 235 года римская армия сама стала провозглашать императоров (поднимать их на щит), без согласия Сената, сам Сенат потерял свою главную функцию, то и легитимность Римской Республики как таковой была в значительной мере потеряна. Изначальная легитимность Римской Республики зыбдилась на первоначальной монархии её царей, начиная с учредителя Рима, первого его царя (рекса) Ромула. Сам Ромул ограничил свою царскую власть учреждением двух коренных институций Римской Республики: Авгуров и Сената, как пишет Цицерон. Ортега-и-Гассет обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место коллегия пяти авгуров, и лишь на второе место Сенат, первоначально состоявший из ста родовых старейшин. Так вот, через тысячу лет после этого учреждения, Константин Великий возвращается на самые истоки Римской Республики, и вместо военной диктатуры, действующей даже без Сената, восстанавливает подлинную единоличную монархию. Для её симфонии с верованиями лучшей и ведущей части общества, он сотрудничает с Христианской Церковью и даже помогает ей организовать Первый Вселенский Собор. Так Римское Государство возвращается на свои монархические и религиозные истоки, хотя и с новым содержанием. Этим оно продлило свое существование на 11 с половиной веков. (В 1212 году, никейский император Феодор Ласкарис в своей речи перед Сенатом, напоминает, что православные цари являются наследниками не только римских, но также и ветхозаветных царей, начиная с царя Давида).

Рядом победоносных войн со своими соперниками, Константин Великий добивается единства верховной власти в Империи, ликвидируя для этого перестройки Диоклетиана. Он также понимает, что с инфляцией и экономической разрухой нельзя бороться одними лишь бюрократическими запретами, как это пытался делать Диоклетиан. Константин Великий вводит новую золотую монету, «солидум», как средство денежного обращения в Империи, просуществовавшую более семи веков после него.

Главным поворотом Константина в имперской политике было обращение его взора к единственным здоровым элементам, продолжавшим существовать в его государстве, несмотря на все процессы распада. Этой сокровищницей благих начал в тогдашнем обществе, как и в нашем сегодняшнем, было Христианское учение, хотя оно отнюдь не преобладало в тогдашнем обществе. Христиане представляли лишь около десяти процентов всего населения Империи. Причем, в городах христиан было больше, чем в деревне. Также и в вооруженных силах в процентном отношении их было больше, чем во всей Империи. Их было еще больше среди **лучших** элементов общества и армии, чему ярким примером был Святой Георгий Победоносец, выдающийся римский военный трибун, замученный по приказу Диоклетиана в 303 году. Но, самое главное, христианские принципы и концепции были лучше во всех отношениях всех остальных убеждений, имевшихся в тогдашнем обществе. Таким образом, если христиане и не были тогда большинством в Империи, возможно, что они количественно всё же были первым меньшинством среди других религий, а качественно были лучше всех.

Неписаная конституция Римского Государства, с начала его существования, **основывала свою легитимность на согласии государственных структур и государственной символики с народными верованиями**. Однако, несокрушимое развитие Христианства, несмотря на все гонения, выбивало эту легитимность из-под ног Римского Государства. Кроме того, если и был «консенсус» для превращения императорской диктатуры в монархию, то такой «консенсус» для слияния фигур монарха и «божества» для значительной части населения был абсолютно невозможен. Подлинная историческая заслуга Константина Великого заключается в том, что он ясно увидел необходимость **разделения** между этими двумя категориями: монарха и «божества», с упрочением первой категории и с ликвидацией второй. В таком разделении, затем подтвержденном отказом императора Феодосия Великого

от титула верховного жреца, можно видеть корень православной доктрины **симфонии**, окончательно оформленной Святым Юстинианом Великим через двести лет, в 530 году.

Константин Великий имел видение Креста Господня с надписью «**Сим победиши**». Он мгновенно переменил символику своего войска, выдвигая перед ним **новое Знамя** с изображением Креста. С этим победоносным Знаменем он побеждает, и с тех пор оно становится Знаменем Христолюбивого Воинства Римской, Византийской и Российской империй. Больше того, именно это Знамя создает само Христолюбивое Воинство, как таковое. Вскоре это понятие фиксируется Святым Иоанном Златоустом в Христианской Литургии, во время которой возносятся моления за «Филохристу страту» (Христолюбимое воинство). Однако, было бы неправильно думать, что в результате воздвижения новой символики совершилось мгновенное преобразование Империи, из языческой в христианскую. Исторические процессы **никогда не бывают мгновенными**. Они всегда являются весьма длительными. Лишь отдельные вспышки на поворотах этих процессов бывают мгновенными.

Константин Великий в 313 году даровал Христианской Церкви и христианам лишь **свободу наравне с другими** верованиями. Это был лишь акт терпимости по отношению к Христианству, акт поистине великолепный, после всех предыдущих кровавых и жестоких гонений. Затем, рядом црских указов, он провозглашает и устанавливает новые, христианские, конституционные принципы, за полторы тысячи лет до современных конституций. В Миланском эдикте от 312 года он указывает: «*Мы постановили, руководясь здравым и правильнейшим рассуждением, принять такое решение, чтобы вообще никого не лишать свободы следовать и держаться соблюдаемой у христиан веры, и чтобы каждому дана была свобода следовать той религии, какую сам считает наилучшею для себя.*» Через несколько лет, император Контантин запретил метить калённым железом лица осуждённых, ибо «**на всех человеческих лицах отражается небесная красота**». Он также снова ясно определяет конституционную норму, продолжающую быть действительной и в наши дни: «**В вопросах веры, каждый должен следовать велениям своего сердца.**»

Процессы дальнейшего вырождения языческих элементов в тогдашней цивилизации продолжались еще долго. Коренная перемена заключалась в том, что **процессы возрождения получили свободу для своего развития**. Так, тогда началась **открытая** борьба между процессами **вырождения** и процессами **возрождения**, или, вернее, **процессами преобразования**. Для окончательного триумфа христианского преобразования тогдашнего Римского Государства понадобилось еще около 80 лет. Лишь в 391 году испанский император Феодосий Великий официально провозгласил в Константинополе Римскую Империю **христианским** государством, ибо в Римском Сенате больше не было ни одного язычника.

За эти 80 лет произошло очень много знаменательных событий в истории человечества. Силы Ада, всегда умеющие поддерживать непрерывную **цепь провокаций** в истории человечества, на прекращение открытых гонений на Христианство ответили новым видом провокаций: ересями и расколами. В борьбе со страшной ересью арианства, снова ярко выделился Святой Константин. Еще даже не будучи крещёным, осенённый Свыше, он созвал в 325 году Первый Вселенский Собор в Никее, который он лично открыл, хотя затем официально и не присутствовал на нем. На этот Никейский Собор были приглашены также епископы из соседних стран. Значит, это был не только имперский, но поистине **вселенский** Собор. Профессор А. В. Карташев считает, что это было **первое проявление глобальной «вселенскости» в истории Человечества**.

Несмотря на первоначальное арифметическое превосходство сторонников Ария на Соборе, Святой Константин помогает вождям Православия одержать победу над ересью Ария, утверждением первой части Символа Веры, в котором определяется **единосущность** Сына Божия с Богом Отцом. Так утверждается **принцип соборности**, согласно которому Истина требует **соборного единодушного согласия**, ибо она преобладает над временными арифметическими подсчетами голосов. Сам Арий и последователи его ереси (занявшие левое крыло зала заседаний, став прообразом всех **левых** парламентских фракций) были преданы Никейским Собором анафеме, каковую никто больше никогда не сможет отменить. (**Анафемы неотменимы**, в том числе и анафемы богоборческой власти).

Одновременно, Никейский Собор утвердил принципы нового Христианского календаря, являющегося синтезом ветхозаветного лунного календаря с римским Юлианским солнечным календарем. Затем Святой Константин заверил подписи Святых отцов Первого Вселенского Собора, полагая этим начало роли православных царей, как нотариусов Христианской Церкви. С этого момента, все церковные соборные постановления одновременно санкционировались и как государственные постановления.

Согласно нашему великому русскому мыслителю Льву Тихомирову, Константин Великий хорошо понял, что на месте Древнего Рима невозможно установить в полном расцвете новый христианский дух. Так он решил построить **Новый Рим**, в будущем Константинополь, или по-славянски Царьград, который с 330 года становится столицей Римской Империи, а также и кафедрой Вселенского Патриарха, в чью юрисдикцию, через шесть с половиной веков, в 988 году войдет и наша Русь. Сам Константин Великий, канонизированный Христианской Церковью, как **«равноапостольный»**, стал **прообразом** православных царей, в том числе и русских. Патриарх Иоасаф II Константинопольский, в соборной грамоте 1562 года, разрешает царю Ивану Грозному *«быти и зватися царем законно и благочестиво; царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до океана: да будешь ты между царями как равноапостольный и славный Константин»*.

Крестившись незадолго перед смертью, постигшей его в 337 году, Святой Константин оставляет после себя еще окончательно не устоявшееся христианское государство. И в государстве, и в Церкви и после его смерти продолжается борьба двух великих исторических процессов человечества: преобразования и вырождения. Были моменты колебания даже самого царя Константина, под упорным давлением сторонников Ария, но на этом гибельном пути неизменно вставала **спасительной преградой** анафема арианству и самому Арию и принцип соборности, а в государстве – его символика. Даже из самого царского рода вскоре восстал дерзкий Отступник, попытавшийся провозгласить торжество антихристианской реакции. Реакция Юлиана Отступника была лишь первым звеном в длинной цепи антихристианских реакций и провокаций в истории человечества. Но никакие реакции никогда не смогут окончательно победить стремление человека к своему собственному преобразению и преобразению человеческого общества. Необходимо лишь всегда помнить, что все процессы преобразования, как и вырождения, всегда являются **длительными**.

Процессы преобразования являются цивилизационными процессами, что ясно видно из процессов зародившихся по почину святого Константина. Это не только касается восточноевропейской, православной культуры, но также и западноевропейской, которая даже в течение веков ссылалась на святого Константина, как на легитимный источник своих нелегитимных притязаний на исключительное первенство и превосходство, известных под названием «дара Константина». На самом деле это был подлог, история какового поучительна.

В 778 году папа Адриан обращается с письменной просьбой к королю франков, чтобы он полностью исполнил свое *promissio* (обещание) и дал папе обещанные территории. Свое письмо папа Адриан сопровождает ссылкой на подложный документ, якобы выданный императором Константином Великим римскому папе Сильвестру. Согласно этому подложному документу, **Константин Великий своим имперским правом дал папе «вселенский примат»**. Такое утверждение весьма интересно, ибо подтверждает доктрину Четвертого Вселенского Халкидонского собора, что *«престолу ветхаго Рима прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град»*. 28-ое правило этого собора, содержащее это определение, долго не признавалось Западной Церковью. Константин Великий якобы дал папе еще и знаки императорского достоинства и суверенитета, а также *«город Рим и провинции, места и города Италии»*. Римский клир получал права и привилегии римского сената, а сам император Константин покидал Рим и переходил в Константинополь, чтобы *«глава христианской церкви имел власть земного императора»* ("imperator terrenus potestatem"). Через полтысячелетия эта порочная доктрина достигла своего апогея в булле "Unam Sanctam", в которой папа Бонифаций Восьмой (1294-1303) провозгласил государственную (светскую) **власть римских пап над всеми христианами** в мире. (Между прочим, римские епископы, несогласные с «догматом о папской непогрешимости», ссылались

на Первом Ватиканском соборе в 1870 году на эту папскую буллу, как на пример папской погрешимости. Ибо, если папы непогрешимы, то и эта булла должна была бы быть непогрешимой, говорили они.) Так, притязанием на то, о чем было сказано: *«Отдайте кесарево кесарю»*, в погоне за властью и за территориальными владениями, нарушалось указание Спасителя, что *«царство Мое не от мира сего»*. Это был конец симфонии на Западе.

Такое **порочное слияние** религиозно-духовных и геополитических интересов Римской Церкви продолжает сохраняться и после потери ею территориальных владений в Италии, вследствие объединения Италии в одно государство в XIX веке, Однако, Латеранский договор в 1929 году с правительством Муссолини закрепил территориальный суверенитет Ватикана, чье правительство продолжает преследовать гласные и негласные геополитические цели, особенно на территориях православных народов, как -то на Руси и на Балканах, нарушая этим правило апостола Павла, указанное им как раз в его Послании Римлянам: *«Я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании»*. (Рим. 15, 20). Политическими союзниками в этом деле сегодня стали, вместо франков и норманнов, другие антиправославные силы, зачастую отнюдь не христианские. От такой доктрины, на основании подложных документов, пострадала больше всего сама Римская Церковь. Причем, еще долго сохранявшееся православное сознание среди верующих на Западе весьма ясно это выражало. Данте Алигиери в "Божественной комедии" восклицает:

Ahi, Constanin, di quanto mal fu matre,
Non la tua conversion, ma quella dote
Che da te presse il primo rico patre!
Ай, Константин, как плохо было сделано,
не твое обращение, но тот дар,
который от тебя получил первый богатый отец!
(Ад. Песнь XIX, стихи 115-117).

Но не только такой гений, как Данте, понимал порочность этого «дара». Сам верующий народ это тоже сознавал. Согласно народной легенде, в день «дара» раздался громкий голос с неба: «Сегодня разлился яд в Церкви Господней». («Hodie diffusum est venenum in Ecclesia Dei».) Конечно, ни Данте, ни народ не знали, что «дар Константина» был фальсификацией и не соответствовал исторической правде. Поэтому, вся вина за *«разлитый в Церкви яд»* и за *«плохой груз»*, наложенный на Церковь, возлагалась на императора Константина, что, в свою очередь, вызывало вторичную горечь, ибо все признавали, что заслуги этого святого императора перед Христианством весьма велики.

Эта мистификация поддерживалась еще довольно долго. Через двести лет после смерти Данте и через семь веков с лишним после первого упоминания «дара Константина», папа Лев Десятый заказал в 1520 году Рафаэлю четыре большие фрески для зала святого Константина в Ватикане. На одной из них должна была быть представлена сцена «дара Константина». Фреска была затем сделана учениками Рафаэля. Практически этим кончился этот первый миф Запада. За ним последовали его другие подобные идеологические и исторические мифы, которые с самого начала тоже были обречены на неуспех, ибо лишь *«в обилии правды великая сила»*. (Книга Притчей Соломоновых. 15,5). +

И. Н. Андрушкевич

Кадетское письмо № 112. Буэнос-Айрес, июнь 2019 года. XXV год издания.

Бюллетень русских кадет в эмиграции. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса, в эмиграции. Не издавался с 1961 года. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник обязательна.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич, кадет XXVI выпуска Первого Русского Кадетского Корпуса, в эмиграции. **Электронный адрес:** kadetpismo@hotmail.com

Некоторые предыдущие номера КП помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>